

ALEC DRAKE

ИЮНЬ
1941
22

ПОПАДАНЕЦ

1941

СЕМЬ ДНЕЙ ДО ВОЙНЫ

Alec Drake

**Попаданец 1941. Семь
дней до войны**

«Автор»

2026

Drake A.

Попаданец 1941. Семь дней до войны / А. Drake — «Автор»,
2026

У него есть ровно семь дней, чтобы изменить историю. Я оказался в 1941 году — за неделю до начала Великой Отечественной войны. Я знаю, что произойдёт дальше: первый удар, окружения, отступление, гибель людей и города, которые ещё можно спасти. Но знания будущего ничего не стоят без возможности ими воспользоваться. У меня семь дней. Семь дней, чтобы предупредить командование, найти предателя, подготовить оборону и сделать невозможное — изменить события, которые уже произошли в истории. Но чем сильнее я вмешиваюсь в прошлое, тем быстрее оно начинает меняться. И теперь я уже не знаю, какой будет война завтра. Альтернативная история. Попаданец. ВОВ. Военный боевик.

© Drake A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 15 июня. Пробуждение в прошлом	5
Глава 2. Парадокс наблюдателя	8
Глава 3. Шкура предателя	12
Глава 4. Стук в дверь	15
Глава 5. Побег и первый выстрел	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Alec Drake

Попаданец 1941. Семь дней до войны

Глава 1. 15 июня. Пробуждение в прошлом

Часть первая: Чужое тело

Сознание вернулось рывком — будто кто-то выдернул вилку из розетки, а потом воткнул обратно. Только вот розетка была не та. И тело было не то.

Я лежал на жёсткой кровати, провалившись в продавленный матрас, и первое, что почувствовал — запах. Не знакомый, не городской, не тот, к которому я привык за тридцать восемь лет. Пахло керосином, пылью, старым деревом и чем-то кислым — то ли шами, то ли портянками. Глаза открывать не хотелось. В голове гудело, как после хорошей попойки, хотя я точно не пил. Вчера. Или, когда это было — «вчера»?

Я попытался вспомнить. Вечер, ноутбук, статья о первых днях войны — я писал диссертацию, точнее, пытался дописать, третий год уже. Брест, 22 июня, танковая группа Гудериана, сводки Совинформбюро... Потом — темнота. Не отключение света, а именно темнота в голове. И вот — это.

Я открыл глаза.

Потолок был побелённый, с трещинами, похожими на карту рек. Лампочка на проводе — без абажура. Окно с деревянной рамой, за ним — серое утро. На стуле у кровати — гимнастёрка с петлицами. Тёмно-синие петлицы с двумя «кубарями». Я знал, что это значит. Капитан. НКВД или РККА — надо было смотреть на эмблемы, но мозг уже цеплялся за детали, как утопающий за соломинку.

— Твою мать, — прошептал я. И не узнал свой голос.

Он был ниже, грубее, с хрипотцой. Я сел на кровати — резко, слишком резко. Голова закружилась, и я схватился за спинку. Руки были не мои. Широкие ладони, мозоли на пальцах, шрам на левом запястье — старый, белый, давно заживший. У меня никогда не было шрама на запястье.

Я осмотрелся. Комната была маленькая, казённая: стол, стул, шкаф, тумбочка. На столе — чернильница, ручка с пером, стопка бумаг. На тумбочке — кружка, ложка, кусок хлеба на газете. Газета была датирована... я прищурился.

«Правда», 15 июня 1941 года.

Сердце остановилось. Потом ударило — сильно, больно, где-то в горле. Я смотрел на эту дату, и в голове проносились строчки из учебников, из документов, из тех статей, что я читал годами. 15 июня 1941 года. До войны — семь дней. Ровно семь.

— Нет, — сказал я вслух. — Нет, нет, нет.

Я встал. Ноги держали, но были чужими — как ходули. Подошёл к столу, взял газету. Бумага была настоящая, шершавая, пахла типографской краской. На первой полосе — сводки с полей, какие-то соцсоревнования, указы. Ни слова о том, что завтра... нет, не завтра. Через семь дней.

Я посмотрел на свои руки снова. Потом на документы на столе. Паспорт — книжечка с гербом. Развернул.

«Ковалёв Андрей Степанович, капитан государственной безопасности. 1913 года рождения».

Фотография была моя. Не моя — этого человека. Лицо жёсткое, скуластое, глаза светлые, холодные. Я провёл рукой по щеке — щетина, жёсткая, колючая. Волосы короткие, ёжиком. Я не был Ковалёвым. Я был... кем я был?

Я попытался вспомнить своё имя. Настоящее. Оно было там, на краю сознания, как слово, которое вертится на языке, но не срывается. Я помнил свою квартиру, свою работу, свою кошку — чёрную, с белым пятном на груди. Помнил, как писал диссертацию о начале войны, о том, как всё пошло не так. Помнил, что был историком. Но имя...

— Андрей, — сказал я. — Андрей Ковалёв.

Нет. Это было чужое имя. Но оно подходило. Оно было как перчатка, которую надеваешь, и она вроде не твоя, но руки в ней уже были. Я посмотрел в зеркало на стене — мутное, с трещиной в углу. Оттуда смотрел незнакомый мужчина: тридцать лет, тяжёлый взгляд, волевой подбородок. Я.

— Ладно, — сказал я тихо. — Ладно. Допустим. Я — Ковалёв. Я — в 1941 году. Я — за неделю до войны.

Я сел на стул, потому что ноги снова стали ватными. В голове билась одна мысль: это бред. Это сон. Это... что угодно. Но бумага была настоящей. И запах был настоящим. И руки — чужими, но живыми.

Часть вторая: Первые попытки

Я присидел так минут десять, пытаюсь собрать себя заново. Потом начал действовать. Историк во мне — или кто там был внутри — знал: если это реальность, надо проверить. Если это сон — надо проснуться. Если это ловушка — надо понять, чья.

Первым делом — документы. Я перерыл стол. Нашёл удостоверение сотрудника НКВД, командировочное предписание, несколько писем. Из предписания следовало, что капитан Ковалёв прибыл в город Бельск-Подляски — нет, в Бельск, как он назывался в документах — в распоряжение местного отдела НКВД для «проверки оперативной обстановки в приграничной зоне». Датировано 10 июня. Значит, он — я — здесь уже пять дней.

Я нашёл карту на стене. Западный особый военный округ. Граница с Германией — вот она, в двух шагах. Городок — маленький, на самом краю. Брест — южнее. Гродно — севернее. А между ними — я.

В голове пронеслось: 22 июня, 4 часа утра. Брест. Гродно. Белостокский выступ. Немцы ударят здесь. Именно здесь. И этот городок — одна из первых целей.

Я схватил телефонную трубку. Гудок был — значит, связь работала. Я покрутил ручку, назвал номер — междугороднюю. Женский голос на том конце ответил: «Дежурный». Я сказал, что мне нужна Москва, срочно, наркомат. Голос спросил, кто я. Я назвал фамилию, должность. Пауза. Потом:

— Товарищ капитан, междугородняя связь с Москвой только по спецразрешению. У вас есть разрешение?

— Есть, — соврал я. — Кодовое слово «Гроза». Соединяйте.

Пауза была длинной. Я слышал, как на том конце шуршат бумагами. Потом голос сказал:

— Подождите.

И в трубке щёлкнуло. Тишина. Я ждал минуту, две, пять. Потом услышал короткие гудки. Связь оборвалась.

Я попробовал снова. На этот раз мне ответили холодно:

— Товарищ капитан, ваш запрос отклонён. Обратитесь к своему непосредственному начальству.

И повесили трубку.

Я стоял с трубкой в руке и чувствовал, как внутри поднимается паника. Я знал, что будет через семь дней. Знал, что немцы начнут с артобстрела, что танки пойдут через этот выступ, что Брест будет в огне, что тысячи людей погибнут в первые часы, потому что их застанут врасплох. Я знал всё это — и не мог сказать никому.

Я попробовал ещё раз. Позвонил в штаб округа. Сказал, что у меня есть сведения о готовящемся нападении. Меня выслушали. Потом спросили:

— Товарищ капитан, у вас есть документальные подтверждения?

— Нет, — сказал я. — Но...

— Тогда это паника. Прекратите. Или я доложу о вас.

Я положил трубку.

Часть третья: Осознание

Я вышел на улицу. Утро было прохладное, солнечное. Городок был маленький — пара улиц, деревянные дома, колодец на площади. Люди шли по своим делам: женщины с вёдрами, мужики в кепках, дети. Никто не знал. Никто не догадывался. Я смотрел на них и чувствовал, как внутри что-то сжимается.

Я знал, что через семь дней эти улицы будут гореть. Что эти люди — многие из них — погибнут. Что их дети, их жёны, их старики — всё это будет стёрто волной, которая придёт с запада.

Я знал. И был один.

Я сел на скамейку у забора, закурил — нашёл папиросы в кармане гимнастёрки. Дым был горький, крепкий. Я смотрел на запад, туда, где за лесом была граница. Там, за этой границей, уже стояли танки. Уже были готовы приказы. Уже тикал счётчик.

— Семь дней, — сказал я вслух. — Семь дней, чтобы что-то сделать.

Но что? Кому я мог сказать? Кто мне поверит? Капитан НКВД, который вдруг начал говорить о том, что немцы нападут 22 июня? Меня либо посадят как провокатора, либо отправят в психушку, либо — что хуже — решат, что я немецкий шпион, который сознательно сеет панику.

Я докурил, встал. Надо было что-то делать. Надо было понять, кто я, где я, и что у меня есть. Надо было найти людей, которые могут поверить. Или заставить их поверить.

Я вернулся в комнату, сел за стол. Взял ручку, бумагу. И начал писать.

Первое — список. Что я знаю о 22 июня. Где ударят. Какие части. Какие направления. Где будут окружения. Что можно изменить.

Второе — план. Кто может поверить. Кому можно сказать. Как это сделать так, чтобы не попасть под трибунал.

Третье — я сам. Как я здесь оказался. Что это — сон, перемещение, эксперимент? Есть ли способ вернуться? Или это навсегда?

Я писал до вечера. Исписал несколько листов. Потом спрятал их под матрас. Сел на кровать, обхватил голову руками.

— Я один, — сказал я тихо. — Я один, и у меня семь дней.

За окном темнело. Где-то играла гармошка, кто-то смеялся. Жизнь шла своим чередом. Никто не знал, что она уже закончилась.

Я закрыл глаза. И в темноте передо мной встала карта. Граница. Стрелки ударов. Города, которые сгорят. Люди, которые погибнут.

— Я попробую, — сказал я. — Клянусь, я попробую.

Это была не молитва. Это было обещание. Себе. Тем, кто ещё не знал. И, может быть, тому парню, чьё тело я теперь носил — капитану Ковалёву, который не успел ничего сделать.

Я лёг. Сон не шёл. В голове билось одно слово, как пульс.

Семь.

Семь дней.

Глава 2. Парадокс наблюдателя

Часть первая: Утро второго дня

Я проснулся до рассвета — привычка, которой у меня никогда не было. Тело Ковалёва знало своё дело: подъём, гимнастика, холодная вода из рукомойника. Я смотрел на свои руки, делающие привычные движения, и чувствовал себя пассажиром в чужом автомобиле. Руки знали. Я — нет.

За ночь ничего не изменилось. Я надеялся — по-дурацки, по-детски — что проснусь в своей квартире, на своём диване, с ноутбуком на коленях и недописанной главой диссертации. Но потолок был тот же. Трещины — те же. Запах керосина — тот же.

Я умылся, оделся, проверил документы. План на день был простой: найти людей, которые могут меня выслушать. Не «поверить» — выслушать. Для начала хотя бы это.

За завтраком — в столовой при комендатуре, где кормили командированных — я наблюдал за людьми. Офицеры, лейтенанты, пара капитанов. Все спокойные, расслабленные. Кто-то шутил про футбол, кто-то ругался на жару. Никто не смотрел на запад. Никто не считал дни.

Я сидел в углу, жевал кашу и слушал. Это было важно — слушать. Историк во мне знал: детали решают всё. Кто здесь главный. Кто с кем дружит. Кто на кого стучит. Кто боится.

За соседним столом двое лейтенантов обсуждали перевод в другую часть. Один говорил: — ...и вот я ему говорю: товарищ майор, ну какие немцы? У нас же пакт. Они что, самоубийцы?

Второй кивнул:

— Точно. Мне вчера из штаба округа писали: обстановка спокойная, провокации исключены. А у нас боевая готовность — вон, даже патроны на складах под замком.

Я замер. Патроны под замком. Это было правдой. В первые часы войны многие части остались без боеприпасов, потому что склады были опечатаны, а ключи — у командиров, которые уехали в отпуск или были арестованы. Я знал это из документов. Знал, что это стало одной из причин катастрофы.

Я встал, подошёл к их столу.

— Разрешите? — сказал я. — Капитан Ковалёв, НКВД.

Лейтенанты подобрались, вытянулись. Я махнул рукой — вольно, мол. Сел.

— Вы сказали — патроны под замком. Это везде так?

Один из них, тот, что помоложе, ответил:

— Так точно. Приказ командования округа. Склады опечатаны, ключи у начальства. Говорят, чтобы не было провокаций.

— А если провокация будет? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Тогда откроют.

— Кто?

Пауза. Он не знал. Они оба не знали.

Я поблагодарил, вернулся к своему столу. Внутри что-то горело. Это был один из тех маленьких, но смертельных просчётов, которые я знал по документам. И я мог это изменить. Мог.

Часть вторая: Особист

После завтрака я пошёл в местный отдел НКВД — представиться. Формально Ковалёв был здесь в командировке, и его — мой — начальник должен был знать, что я на месте.

Отдел располагался в двухэтажном кирпичном здании на центральной улице. Охрана, пропуск, коридор с запахом бумаги и табака. Меня проводили в кабинет.

Хозяин кабинета — майор госбезопасности Пётр Ильич Сомов — был грузным, лысеющим мужчиной лет пятидесяти. Он сидел за столом, заваленным папками, и смотрел на меня маленькими, внимательными глазами. Такие глаза я видел на старых фотографиях — у людей, которые привыкли не доверять никому.

— Капитан Ковалёв, — сказал он, не вставая. — Прибыли. Хорошо. Садитесь.

Я сел. Он изучал меня секунд десять, потом сказал:

— Докладывайте.

Я знал, что должен доложить. Ковалёв — я — был здесь для проверки оперативной обстановки. Значит, надо было что-то сказать. Но что? Я не знал, что именно проверял настоящий Ковалёв. Я не знал его задания, его связей, его мыслей.

Я решил рискнуть.

— Товарищ майор, — сказал я. — У меня есть информация о готовящемся нападении Германии на Советский Союз.

Сомов не изменился в лице. Он вообще не двинулся. Только глаза стали чуть более внимательными.

— Продолжайте.

— Нападение произойдёт в ночь на 22 июня. Основные удары — в полосе Западного особого военного округа. Направления: Брест, Гродно, Белостокский выступ. Первый удар — артиллерийская подготовка и авиация. Цель — уничтожить штабы и связь, чтобы дезорганизовать управление.

Сомов молчал. Потом откинулся в кресле и сказал:

— Интересно. И откуда у вас эти сведения?

Вот он. Момент истины. Я мог соврать — сказать, что получил от агентуры, что перехватил радиogramму, что мне сообщил надёжный источник. Но я знал, что любая ложь разобьётся о проверку. Сомов был не дурак. Он служил в органах не первый год.

Я решил сказать правду. Не всю. Но часть.

— Товарищ майор, — сказал я. — Я не могу объяснить источник. Но я знаю, что это правда. Я знаю дату. Я знаю время. Я знаю, что будет.

Сомов смотрел на меня долго. Потом сказал:

— Капитан, вы понимаете, что говорите?

— Понимаю.

— Вы понимаете, что за такие слова можно...

— Понимаю.

Он встал, подошёл к окну, посмотрел на улицу. Потом обернулся:

— Ковалёв, я вас знаю... — он сделал паузу, — ...не лично. Но я знаю, откуда вы прибыли. И я знаю, что ваш отдел занимается серьёзными вещами. Поэтому я не буду сразу звонить в Москву. Но я задам вам один вопрос.

— Слушаю.

— Если вы знаете дату — почему вы не сообщили раньше? Почему не передали это по линии наркомата?

Я молчал. Что я мог сказать? Что я появился здесь два дня назад? Что я — не Ковалёв? Что я из будущего?

— У меня не было подтверждений, — сказал я наконец. — Теперь есть.

— Какие?

Я не мог ответить. И он это видел.

Сомов сел обратно, взял со стола лист бумаги, начал что-то писать. Потом сказал, не поднимая глаз:

— Капитан Ковалёв, я вынужден вас задержать до выяснения обстоятельств. Вы понимаете, что это значит?

Я кивнул.

— Понимаю.

— Хорошо. Пока — не под арестом. Но из города не выезжать. И быть готовым к вызову. Он нажал кнопку звонка. Вошёл сержант.

— Проводите товарища капитана. И передайте в комнату для приезжих — пусть остаётся там.

Я вышел. В коридоре пахло тем же табаком. Я шёл за сержантом и думал: что я наделал? Я раскрылся перед особистом, который теперь считает меня либо провокатором, либо сумасшедшим, либо — что хуже — шпионом, который сознательно сеет панику.

Но я также знал: по-другому было нельзя. Если я хотел что-то изменить, мне нужны были люди. А для этого надо было рискнуть.

Часть третья: Проверка

Вечером меня вызвали снова. На этот раз Сомов был не один. Рядом с ним сидел человек в штатском — худой, с острым лицом, в пенсне. Он представился:

— Верховцев; Николай Александрович. Прибыл из Москвы. Проверка по вашему сигналу.

Я похолодел. Из Москвы. Так быстро. Значит, Сомов всё-таки сообщил. Или у него уже были свои подозрения.

Верховцев открыл папку, лежавшую перед ним. Я увидел знакомые листы — те, что я писал вчера. Значит, их нашли. Под матрасом. Обыск.

— Капитан Ковалёв, — сказал Верховцев мягко. — Мы изучили ваши записи. Весьма... подробные. Дата, время, направления ударов, номера частей. Это очень серьёзно.

Я молчал.

— Откуда у вас эти сведения?

— Источник, — сказал я. — Который я не могу раскрыть.

— Понимаю, — Верховцев кивнул. — Но вы должны понимать: в сложившейся обстановке такая информация — либо провокация, либо диверсия. Вы знаете, что за это бывает.

Он листал мои записи. Потом остановился на одном листе:

— Вот здесь вы пишете: «28-я танковая дивизия, 22 июня, 6:00, южнее Бреста». Капитан, откуда вы знаете номера дивизий вермахта?

Я не знал, что ответить. Я знал это из документов, из книг, из архивов. Но здесь, в 1941 году, эта информация была известна только тем, кто имел доступ к разведанным. А Ковалёв, судя по всему, не имел.

Верховцев продолжил:

— Вот здесь: «Гудериан, 2-я танковая группа, обход Бреста с юга». Капитан, вы понимаете, что это значит?

Я понимал. Это значит, что я — либо гений разведки, либо шпион, который знает слишком много.

— Товарищ Верховцев, — сказал я. — Я не могу объяснить, откуда я это знаю. Но я знаю, что это правда. И если вы не сделаете ничего — через семь дней это станет реальностью.

— Шесть, — сказал Верховцев.

— Что?

— Шесть дней. Сегодня шестнадцатое. Война — двадцать второго. Шесть дней.

Он смотрел на меня внимательно, без всякой эмоции. Потом сказал:

— Капитан, я склонен думать, что вы либо сумасшедший, либо провокатор. Но есть третий вариант. Вы — источник, который получил информацию, но не может её объяснить. Это бывает. Люди иногда чувствуют то, чего не должны. Но в нашем деле чувства — не доказательство.

Он закрыл папку.

— Я оставлю вас здесь на сутки. За это время мы проверим всё, что вы написали. Если хоть что-то подтвердится — поговорим иначе. Если нет...

Он не договорил. И так было ясно.

Меня увели. Я сидел в комнате — чистой, но пустой, с решёткой на окне — и думал. Я знал, что не могу доказать своё происхождение. Никак. Если я скажу правду — меня отправят в психушку. Если буду молчать — меня расстреляют как шпиона. Если попытаюсь бежать — меня найдут.

Парадокс наблюдателя. Я знал будущее, но не мог его изменить, потому что для этого надо было, чтобы мне поверили. А чтобы мне поверили, надо было доказать невозможное.

Я лёг на койку, закрыл глаза. В голове билась одна мысль:

Шесть дней.

Шесть дней до войны. И я — в камере. Один.

Глава 3. Шкура предателя

Часть первая: Сутки в клетке

Меня продержали в комнате с решёткой ровно сутки. Приносили еду — пустые щи, кашу, чай. Водили в уборную под конвоем. Никто со мной не разговаривал. Это была не тюрьма — это была проверка. Меня изучали. Смотрели, как я реагирую на изоляцию, на тишину, на неизвестность.

Я использовал это время. Сидел на койке, закрыв глаза, и вспоминал. Всё, что знал о первых днях войны. Документы, сводки, мемуары, архивные материалы, которые я изучал годами. Я прокручивал в голове карты, схемы ударов, номера частей. Я знал, что если мне дадут шанс — хотя бы один шанс — я должен быть готов.

На второе утро дверь открылась. Вошёл сержант:

— Товарищ капитан, к майору.

Сомов ждал меня в том же кабинете. На этот раз он был один. Верховцев уехал — или сделал вид, что уехал. Сомов выглядел уставшим, под глазами были тёмные круги. Он жестом показал на стул.

— Садитесь.

Я сел. Он молчал долго. Потом сказал:

— Капитан, мы проверили вашу информацию. Частично.

Я ждал.

— Часть сведений, которые вы изложили, совпадает с данными разведки. Не всё, но часть. Это... настораживает.

Он смотрел на меня, как на головоломку, которую не мог решить.

— Вы понимаете, что это значит?

— Что мне начинают верить?

— Что вам начинают... не доверять ещё больше, — сказал Сомов. — Потому что если вы знаете то, что знают только в Москве, значит, вы либо свой, либо чужой. Третьего нет.

Я молчал. Он был прав. Третьего не было.

— Мы не будем вас арестовывать, — продолжил Сомов. — Пока. Вы останетесь в городе, под наблюдением. И будете работать.

— Работать?

— Да. У нас тут есть задачи. Приграничная зона. Диверсанты, шпионы, паникёры. Вы — капитан госбезопасности. Работайте.

Он подвинул ко мне папку:

— Вот список подозрительных лиц. Проверьте. Докладывайте лично мне.

Я взял папку. Внутри были фотографии, фамилии, краткие справки. Люди, которых подозревали в связях с немцами. Или просто в нелояльности. Я знал, что в 1941 году такие списки часто были результатом доносов и паранойи. Но среди них могли быть настоящие шпионы.

— Есть один момент, — сказал Сомов, когда я встал. — В городе находится офицер связи из штаба округа. Майор Баранов. Он курирует вопросы взаимодействия с местным гарнизоном. Познакомьтесь. Он может быть полезен.

Я кивнул. И вышел.

Часть вторая: Майор Баранов

Баранов нашёлся в штабе гарнизона — в старом здании на окраине, где пахло пылью и канцелярским клеем. Меня проводили в кабинет. Хозяин — майор лет сорока, с гладко выбритым лицом, аккуратными усами и внимательными серыми глазами — поднялся навстречу.

— Капитан Ковалёв? — сказал он с лёгкой улыбкой. — Наслышан. Говорят, вы привезли какие-то... тревожные сведения.

Я пожал его руку. Рукопожатие было крепким, но чуть слишком долгим. Так пожимают руки люди, которые хотят показать, что они вам рады. Или которые хотят проверить вашу реакцию.

— Сведения есть, — сказал я. — Но не все разделяют мою тревогу.

— Понимаю, — Баранов кивнул. — Садитесь. Чай? Папиросы?

Я сел. Он налил чай из термоса — роскошь по тем временам. Закурил. Смотрел на меня спокойно, чуть насмешливо.

— Итак, капитан. Что вы знаете?

Я решил проверить его. Не открываться сразу. Историк во мне знал: шпионы часто выдают себя вопросами. Слишком настойчивыми, слишком точными, слишком своевременными.

— Немцы готовят нападение, — сказал я. — Вы это знаете?

Баранов затаился, выпустил дым:

— Знаю, что обстановка сложная. Но нападение... Это громко сказано. У нас пакт. Провокации возможны, но война...

— Война будет двадцать второго июня, — сказал я. — В четыре утра.

Он не изменился в лице. Только чуть прищурился.

— Откуда такая точность?

— Источник.

— Источник, — повторил он. — Капитан, вы понимаете, что за такие слова...

— Понимаю, — перебил я. — Мне уже объяснили.

Он усмехнулся. Потом сказал:

— Знаете, Ковалёв, я вам верю.

Я замер. Это было неожиданно.

— Верю, — повторил Баранов. — Потому что я сам чувствую: что-то будет. Слишком тихо. Слишком спокойно. Немцы у границы — не просто так. Их разъезды, их аэродромы, их подготовка. Я вижу это каждый день. Но мне никто не верит. А вы пришли и сказали вслух то, о чём я думаю.

Он встал, подошёл к окну. Стоял спиной ко мне. Я смотрел на его спину — широкую, прямую — и чувствовал что-то не то. Что-то неправильное. Как будто в комнате стало холоднее.

— Я могу помочь, — сказал он, не оборачиваясь. — У меня есть связи в округе. Я могу передать вашу информацию туда, где её услышат.

— Какую информацию?

Он обернулся. Улыбка была та же — спокойная, уверенная.

— Всё, что вы знаете. Даты, направления, номера частей. Мне нужно всё.

Я смотрел на него и думал: почему он так легко поверил? Почему он не спросил о доказательствах, о источнике, о том, как я это узнал? Почему он не удивился?

Слишком легко. Слишком гладко. Слишком правильно.

— Хорошо, — сказал я. — Я передам.

Я не собирался передавать. Но я хотел посмотреть, что он будет делать дальше.

Часть третья: Игра

Мы расстались почти дружески. Баранов обещал «зайти завтра», «обсудить детали», «наладить канал». Я пообещал «подготовить материалы». Оба мы врали. Я это чувствовал. И он, скорее всего, тоже.

Вечером я сидел в своей комнате и думал. Баранов. Майор из штаба округа. Офицер связи. Человек, который знает всё о передвижениях частей, о планах, о дислокации. Идеальная позиция для шпиона. Идеальное прикрытие.

Но я не мог обвинить его без доказательств. Я не мог даже сказать Сомову — потому что Сомов уже смотрел на меня как на подозреваемого. Если я начну обвинять майора из штаба, это будет выглядеть как попытка отвести подозрения от себя.

Я был один. И у меня было пять дней.

Я взял лист бумаги, начал писать. План. Что я знаю о Баранове. Что я помню из истории. Был ли майор Баранов в списках разоблачённых шпионов? Я не помнил такой фамилии. Но это ничего не значило. Многие остались неразоблачёнными. Многие исчезли в первые дни войны.

Я вспомнил одну деталь из документов: в первые дни войны немцы часто использовали офицеров связи для дезинформации. Люди, которые передавали ложные приказы, сеяли панику, направляли части не туда. Это была одна из тактик абвера. И такие люди были в штабах.

Баранов мог быть таким. Или не быть. Я не знал.

Но я знал другое: если он шпион, он уже понял, что я опасен. И он будет действовать. Быстро.

Я дописал план, спрятал листы — на этот раз в другое место, не под матрас. Потом лёг. Сон не шёл. В голове бились мысли.

Пять дней.

Пять дней до войны. И я — в паутине, которую сам начал плести. Сомов мне не верит. Верховцев уехал — или наблюдает. Баранов — либо союзник, либо враг. А я не могу отличить одно от другого.

Я закрыл глаза. И в темноте передо мной встало лицо Баранова. Спокойное. Уверенное. С лёгкой улыбкой.

Слишком спокойное. Слишком уверенное. Слишком правильное.

Я не знал, кто он. Но я знал, что узнаю. Рано или поздно.

Глава 4. Стук в дверь

Часть первая: Бумажный лабиринт

Утром четвёртого дня я надел парадную гимнастёрку, прицепил планшет, проверил документы и отправился в штаб округа. Это было в сорока километрах от городка — можно было добраться на попутке или на реквизированной полуторке. Я выбрал второе.

Штаб Западного особого военного округа располагался в Минске, но передовые оперативные группы сидели ближе к границе. Мне нужен был не сам штаб — мне нужен был человек, который имеет право принимать решения. Хотя бы один.

Дорога заняла два часа. Пыль, жара, тряска. Я смотрел на поля, на деревни, на людей, которые шли по обочинам с косами и граблями. Сенокос. Мирная жизнь. Через четыре дня здесь будут танки.

Штабная группа располагалась в бывшем панском доме — двухэтажное здание с колоннами, обшарпанное, но всё ещё внушительное. Охрана, пропуск, дежурный офицер. Меня проводили в приёмную.

Я ждал два часа. Потом три. Потом меня принял майор из оперативного отдела — фамилия Круглов, усталый человек с нервным тиком на левом веке. Он выслушал меня ровно полторы минуты.

— Капитан, — сказал он, перебивая. — Вы понимаете, что говорите?

— Понимаю.

— У нас нет данных о готовящемся нападении. Разведка доносит обратное: немцы соблюдают пакт. Провокации возможны, но не более.

— Провокации будут двадцать второго июня, в четыре утра, — сказал я. — Это не провокация. Это война.

Круглов посмотрел на меня, как на больного. Потом взял со стола телефонную трубку:

— Товарищ генерал, тут капитан из НКВД... Да, снова про немцев... Нет, не местный, командированный... Хорошо.

Он положил трубку:

— Капитан, вас просят подождать.

Я ждал ещё час. Потом вошли двое — не конвой, но люди в форме, с холодными лицами. Один сказал:

— Капитан Ковалёв? Пройдёмте.

Часть вторая: Подвал

Меня привезли не в Минск. Меня привезли обратно — в тот же городок, в то же здание НКВД. Но не в кабинет Сомова. В подвал.

Подвал был каменный, с низкими сводами и запахом сырости. В углу стоял стол, на столе — лампа с жестяным абажуром. За столом сидел человек в штатском — не Верховцев, другой. Худой, с длинным лицом и бесцветными глазами. Он не представился.

— Капитан Ковалёв, — сказал он. — Вы обвиняетесь в распространении панических слухов и дезинформации, направленной на подрыв обороноспособности страны.

Я стоял. Мне не предложили сесть.

— Кто ваш источник?

— Я не могу раскрыть.

— Кто ваш источник?

— Не могу.

Он повторил вопрос в третий раз. Потом в четвёртый. Потом встал, подошёл ко мне вплотную. От него пахло табаком и потом.

— Капитан, вы понимаете, что мы можем сделать с вами?

— Понимаю.

— Тогда говорите.

Я молчал. Он ударил меня в живот — коротко, профессионально. Я согнулся, упал на колени. Дыхание перехватило. Я слышал, как он говорит:

— Кто источник?

Я не мог ответить. Не потому, что не хотел. Потому что не было источника. Был только я. Человек из будущего, который знал то, чего знать не мог.

Он бил ещё. Дважды. Трижды. Я потерял счёт. Потом меня подняли, посадили на стул. Лампа светила в лицо. Голос спрашивал:

— Кто вас послал?

— Никто.

— Какое задание вы получили?

— Никакого.

— Кто ваш связной?

— Нет связного.

Он замолчал. Потом сказал:

— Капитан, вы подписываете себе приговор. Вы это понимаете?

Я поднял голову. Губы были разбиты, во рту — вкус крови. Я посмотрел на него и сказал:

— Вы можете меня убить. Но это не изменит того, что будет двадцать второго июня.

Он смотрел на меня долго. Потом вышел. Дверь закрылась. Я остался один — в темноте, с лампой, с болью в рёбрах и во рту.

Часть третья: Прозрение

Я не знал, сколько прошло времени. Час. Два. Пять. В подвале не было окон. Только лампа, стол, стул. И я.

Я сидел и думал. Не о боли. О другом. О том, что я сделал не так.

Я пытался играть по правилам. Пытался достучаться до командования, до штаба, до системы. Пытался доказать, объяснить, убедить. Но система не была готова к правде. Система была построена на вере — в пакт, в мир, в то, что война не начнётся. И любой, кто говорил иначе, становился врагом.

Я вспомнил документы. Те, что изучал годами. Приказы, донесения, сводки. В них было много слов — «паникёр», «провокаатор», «немецкий шпион». Эти слова убивали людей. Людей, которые говорили правду. Людей, которые предупреждали.

Я стал одним из них.

И тут я понял: система не поможет. Не потому, что она плохая. Потому что она не может. Она не верит. Она не готова. Она будет защищаться — от правды, от страха, от самой себя.

Значит, надо действовать иначе. Вне системы. В обход. Не убеждать — делать. Не просить — брать.

Я поднял голову. В темноте подвала это было почти незаметно. Но внутри что-то щёлкнуло. Как предохранитель.

Если я не могу изменить систему — я изменю то, что могу. Склады. Связь. Дороги. Людей. Я найду тех, кто поверит. Тех, кто уже чувствует, что что-то не так. Тех, кто готов действовать без приказа.

Я знал, что меня, скорее всего, расстреляют. Или отправят в лагерь. Или будут пытаться, пока я не признаюсь в том, чего не совершал. Но у меня было четыре дня. Четыре дня, чтобы сделать хоть что-то. Хоть что-то, что изменит ход событий.

Дверь открылась. Вошёл Сомов. Он выглядел усталым и злым. Посмотрел на меня, на разбитое лицо, на кровь на гимнастёрке. Потом сказал:

— Идиот.

Я не ответил.

— Вы понимаете, что вас хотели отправить в Москву? «В Лефортово?» — он говорил тихо, почти шёпотом. — Я еле отбил. Сказал, что вы — мой сотрудник, что я сам разберусь.

— Зачем? — спросил я. Голос был хриплый.

Сомов помолчал. Потом сказал:

— Потому что я проверил ещё раз. Ваши данные. Часть совпала. Не всё, но часть. И это... — он замолчал, подбирая слово, — ...это странно. Слишком странно, чтобы быть совпадением.

Он подошёл ближе:

— Я не знаю, кто вы. Не знаю, откуда у вас это. Но я знаю, что вы не шпион. Шпион бы не стал так подставляться.

Он помог мне встать.

— Пойдём. У нас четыре дня.

Часть четвёртая: Новый план

Мы сидели в кабинете Сомова. Я — с разбитым лицом и перевязанными рёбрами. Он — с папиросой и чашкой чая. На столе лежала карта.

— Что вы предлагаете? — спросил Сомов.

— Склады, — сказал я. — Опечатанные склады с боеприпасами. Их надо открыть. Сейчас. До двадцать второго.

— Это приказ командования округа. Я не могу его отменить.

— Не отменить. Обойти. Найти людей, которые откроют склады без приказа. Или с приказом — но другим.

Сомов смотрел на карту. Потом сказал:

— Есть один человек. Начальник склада в Сокулке. Старый знакомый. Если я попрошу — он сделает.

— Хорошо. Второе — связь. Радиостанции. Их надо вывести из-под удара. Спрятать. Или подготовить к эвакуации.

— Это сложнее.

— Знаю. Третье — люди. Офицеры, которые чувствуют, что что-то будет. Их надо найти. Собрать. Подготовить.

Сомов кивнул:

— Есть такие. Немного, но есть.

Он посмотрел на меня:

— Капитан, я не знаю, кто вы. Но я вижу, что вы готовы умереть за это. Значит, я с вами. Я кивнул. Впервые за четыре дня я почувствовал, что не один.

— Четыре дня, — сказал я. — У нас четыре дня.

Сомов погасил папиросу:

— Начнём завтра. С утра.

Я вышел из кабинета. Ночь была тёмная, тёплая. Где-то играла гармошка. Люди спали, не зная, что будет.

Я знал. И теперь я знал, что делать.

Глава 5. Побег и первый выстрел

Часть первая: Не побег, а выход

Это не было побегом. Побег — это когда ты бежишь от стражи, ломаешь решётки, прыгаешь с крыши. У меня было иначе. Сомов просто вывел меня из здания через чёрный ход — под видом «перевода в другую часть». Формально я всё ещё был под следствием. Фактически — я был его человеком. И его риском.

— Если что-то пойдёт не так, — сказал он на прощание, — я вас не знаю. Поняли?

— Понял.

— Держите. — Он протянул мне свёрток. Внутри был «ТТ» и две обоймы. — На всякий случай. И вот ещё. — Второй свёрток, поменьше. Деньги. Три тысячи рублей — по тем временам немало.

Я взял. Мы стояли в темноте у забора, за которым начинался лес. Дул ветер, пахло хвоей и сыростью.

— Сокулка, — сказал Сомов. — Склад. Начальник — Гриценко; старый мой товарищ. Скажете от меня: «Пётр просил передать, что погода меняется». Он поймёт.

— Понял.

— И вот ещё что, капитан. — Сомов помолчал. — В лесу, южнее Сокулки, видели каких-то людей. Не наши. Не местные. Возможно — диверсанты. Будьте осторожны.

Он ушёл. Я остался один — в темноте, с пистолетом и деньгами. До войны оставалось три с половиной дня.

Часть вторая: Дорога

Я шёл лесом. Не по дороге — по обочине, вдоль опушки. Так учили в книгах, которые я читал. Так делали люди, которые не хотели попасть в засаду. Я не знал, есть ли здесь засады. Но я знал, что немцы уже перебрасывают через границу группы — диверсантов, разведчиков, радистов. Они шли тихо. Они шли первыми.

Лес был тихий. Слишком тихий. Я останавливался каждые сто метров, слушал. Птицы. Ветер. Где-то далеко — собака лаяла. Мирные звуки. Но под ними, глубже, было что-то ещё. Напряжение. Как перед грозой.

Я думал о Сомове. Почему он мне помог? Он не верил мне до конца. Он сам это сказал. Но что-то в нём дрогнуло. Может быть, он тоже чувствовал. Может быть, он тоже знал, что что-то будет. Просто не мог сказать вслух.

Я думал о Баранове. Майор из штаба. Спокойный, уверенный. Слишком спокойный. Слишком уверенный. Он остался в городке. Он ждал. Чего? Моего возвращения? Или чего-то другого?

Я думал о времени. Три с половиной дня. Восемьдесят четыре часа. Пять тысяч минут. Каждая минута — как капля крови. Я чувствовал, как они уходят.

К рассвету я вышел к Сокулке. Это было большое село — вернее, местечко, как говорили тогда, — с деревянными домами, костёлом и складскими ангарами на окраине. Склад стоял у леса — длинное здание из красного кирпича, обнесённое забором. Охрана — двое красноармейцев у ворот.

Я подошёл. Часовой окликнул:

— Стой! Кто идёт?

— Капитан Ковалёв, НКВД. К начальнику склада.

— Документы.

Я показал. Он долго изучал, потом сказал:

— Ждите.

Ждал я минут двадцать. Потом вышел начальник склада — Гриценко; грузный мужчина лет пятидесяти, с усами и красным лицом. Он смотрел на меня настороженно.

— Слушаю.

— Пётр просил передать, что погода меняется, — сказал я.

Гриценко замер. Потом посмотрел на меня внимательнее. Потом сказал:

— Заходите.

Мы сидели в его кабинете — маленькой комнате с железной печью, столом и портретом Сталина на стене. Гриценко налил чай, поставил передо мной. Спросил:

— Что случилось?

— Склады надо открыть, — сказал я. — Сегодня. Завтра. До двадцать второго.

— До какого двадцать второго?

— До войны, — сказал я.

Он смотрел на меня долго. Потом сказал:

— Вы понимаете, что это значит? Приказ командования. Склады опечатаны. Если я открою — меня под трибунал.

— Если не откроете — людей убьют без патронов.

— Вы уверены?

— Уверен.

Он встал, подошёл к окну. Стоял спиной. Потом сказал:

— Пётр — хороший человек. Если он просил — значит, что-то есть.

Обернулся:

— Сколько времени нужно?

— Два дня. Чтобы раздать патроны по частям. Чтобы подготовить транспорт.

— Хорошо, — сказал он. — Сделаю.

Часть третья: Лес

Я вышел со склада в полдень. Солнце стояло высоко, жара была тяжёлая. Я шёл обратно — той же дорогой, через лес. Теперь я знал, что у меня есть хоть что-то. Склад откроется. Патроны будут. Это маленькая победа. Но победа.

Я думал о следующем шаге. Связь. Радиостанции. Люди. Баранов. Всё это надо было решать. Но сначала — вернуться в городок.

Я услышал их, когда до опушки оставалось метров двести. Голоса. Немецкая речь. Я замер. Упал за куст, прижался к земле. Сердце билось где-то в горле.

Двое. Может, трое. Они стояли у дерева, разговаривали. В руках — автоматы. Немецкие. «МР-40». Я знал их по фотографиям. У одного — рация за спиной. У другого — сумка с чем-то. Карты? Взрывчатка?

Диверсанты. Те самые, о которых говорил Сомов. Они уже здесь. Уже перешли границу. Уже готовы.

Я лежал и думал: что делать? У меня пистолет. У них — автоматы. Их больше. Если я вступлю в бой — я умру. Если я уйду — они останутся. Они сделают то, за чем пришли. Взорвут мост, перережут связь, убьют кого-то.

Я знал, что должен сделать. Я не хотел это делать. Но я знал.

Я пополз. Тихо, медленно, в обход. Кусты, трава, корни. Я обошёл их по дуге. Вышел сзади. Один стоял ближе — тот, с рацией. Я поднял пистолет. Руки дрожали. Я никогда не убивал человека. Никогда.

Я выстрелил.

Первый выстрел попал ему в спину. Он упал. Второй — в голову, контрольный, как учили в книгах. Второй диверсант обернулся, вскинул автомат. Я выстрелил ещё. Раз, два, три. Он упал, но не сразу — осел на колени, потом набок. Автомат выпал.

Третий — тот, что был дальше — побежал. Я выстрелил ему вслед. Промах. Ещё раз. Он упал в кусты. Я не знал, попал или нет. Я не стал проверять. Я лежал за деревом и смотрел, как кровь впитывается в землю.

Я убил человека. Двух. Может, трёх. Я никогда не забуду их лиц. Того, что был с рацией — молодой, светловолосый. Того, второго — с усами. Они были врагами. Они пришли убивать. Но они были людьми.

Я поднялся. Меня трясло. Я подошёл к телам. Обыскал. У первого — карта. У второго — документы. У третьего, которого я не нашёл, — ничего. Я забрал карту и документы. Потом ушёл.

Часть четвёртая: Последствия

Я вернулся в городок к вечеру. Усталый, грязный, с кровью на руках — не своей. Сомов ждал меня в кабинете.

— Что случилось? — спросил он, увидев моё лицо.

Я положил на стол карту и документы:

— Диверсанты. В лесу, южнее Сокулки. Трое. Двоих я убил. Третий ушёл.

Сомов смотрел на меня. Потом на карту. Потом на документы.

— Это... — он развернул карту. — Это схема мостов. Железнодорожных. Через Буг.

— Они готовились, — сказал я. — Давно.

Сомов кивнул. Потом сказал:

— Капитан, вы понимаете, что вы только что сделали?

— Убил людей.

— Вы предотвратили диверсию. Может быть, не одну. — Он помолчал. — Но вы также понимаете, что теперь они знают, что мы знаем. Они будут действовать быстрее.

— Знаю.

— И ещё. — Сомов посмотрел на меня. — Баранов. Он спрашивал о вас. Сегодня утром. Где вы, когда вернётесь.

Я замер. Баранов. Снова он.

— Что вы ему сказали?

— Что вы уехали. По делам. — Сомов помолчал. — Но он не поверил. Я видел.

Я кивнул. В голове билась мысль: Баранов ждёт. Баранов знает. Баранов — либо друг, либо враг. И я не мог понять, кто он.

— Три дня, — сказал я. — Осталось три дня.

Сомов посмотрел на карту:

— Что дальше?

— Дальше — связь. Радиостанции. Их надо спрятать. И люди. Те, кто поверит. Те, кто будет драться.

Сомов кивнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.